оглавление

Введение **ЭКОНОМИКА — ДЕЛО ПОЛИТИЧЕСКОЕ** **7**

Глава первая **НЕВИДИМЫЙ ПОРЯДОК** **31**

Глава вторая **ЛОГИКА ЖЕСТКОЙ ЭКОНОМИИ** **81**

Глава третья **ЖЕСТОКАЯ МАТЕМАТИКА БЕЗРАБОТИЦЫ** **130**

Глава четвертая **ЗАПАД ПРЕВЫШЕ ВСЕХ** **156**

Глава пятая **ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО АНТИКАПИТАЛИЗМ** **192**

Благодарности **229**

Примечания **231**

Предметно-именной указатель **275**

Об авторе **287**

Введение

ЭКОНОМИКА — ДЕЛО ПОЛИТИЧЕСКОЕ

Осень 1920 г. Мы в Брюсселе. За столами для заседаний — политики и экономисты со всей Европы. Они съехались на первую в истории международную экономическую конференцию. Несмотря на официальный тон и элегантные костюмы, напряжение буквально висит в воздухе. В речах собравшихся сквозят растерянность, даже отчаяние перед лицом, как они считают, недопустимого беспорядка, социального хаоса, толкающего капиталистическую экономику к краю пропасти.

«Рабочих[1], — заявляет английский финансист Роберт Брэнд, — обнадежили, и теперь они ждут, что их жизнь как-то по-новому устроится, что их доля

станет лучше. Они верят, по крайней мере в моей стране, что этих перемен можно достичь, если заменить систему частной промышленности некой формой государственной или общественной собственности. Но они не осознают суровой истины: лучшей жизни после всех потерь, что принесла война, можно достичь лишь через труд и лишения».

Конференцию организовала недавно учрежденная Лига Наций вскоре после окончания Первой мировой войны — с одной ключевой целью: восстановить рухнувший экономический порядок. По всей Европе государства боролись с рекордной инфляцией, нехваткой продовольствия и массовыми забастовками. Простые рабочие, вынесшие на своих плечах все тяготы войны, бросили вызов распоряжающейся богатством элите и потребовали полной перестройки экономической системы.

В хаосе той эпохи потрясений политики и экономисты горячо отстаивали свою «суровую правду»: поведение граждан необходимо направлять и контролировать в соответствии с принципами экономической науки. Люди должны больше работать, меньше потреблять и ничего или почти ничего не ждать от государства. Гражданам надлежало воздержаться от любых забастовок и требований экономических прав, если под угрозой оказывалось капиталистическое производство. Лорд Роберт Чалмерс, бывший постоянный секретарь британского

казначейства и один из представителей английской делегации, выразился предельно ясно: «Усердно трудиться, аскетично жить, упорно копить».

Этот девиз воплотился в конкретные политические решения: урезание государственных бюджетов, в первую очередь социальных расходов на медицинское страхование и пособия по безработице, а также снижение заработной платы и повышение налогов на товары первой необходимости.

Разрабатывая этот пакет болезненных мер жесткой экономии, собравшиеся в Брюсселе технократы прекрасно понимали, что их план вряд ли найдет поддержку. Склонить граждан к соблюдению предписаний экономической науки было куда проще на бумаге, чем на практике. Итальянский делегат Альберто Бенедуче, профессор, специалист по экономической статистике, не сомневался в выборе тактики: нужно «воздействовать на общественное мнение[2], на психологию масс, чтобы те не мешали, а, напротив, помогали восстановить государственный бюджет». Этими соображениями Бенедуче поделился на пленарном заседании 20 сентября 1920 г.

Дата эта знаменательна: в те дни и недели в Италии классовая борьба достигла своего апогея. Захваты фабрик распространялись, словно лесной пожар. По всему Апеннинскому полуострову более месяца рабочие в шестидесяти с лишним городах брали в свои руки управление производством во всех

отраслях: от рудников и верфей до железных дорог и текстильных фабрик. Газета правящей верхушки, *Corriere della Sera*, так описывала яркое начало захватов в Милане: «Вчера вечером фабрики[3] представляли собой необычайное зрелище. К ним можно было подойти, лишь пробравшись через толпы женщин и детей, что сновали туда-сюда, неся ужин бастующим. Входы зорко стерегли группы рабочих. Вокруг — ни души из начальства, ни одного полицейского. Бастующие были полновластными хозяевами положения». Знаковая фотография[4], датированная сентябрем того года, запечатлела момент, когда рабочие почувствовали свою силу: группа рабочих из фабзавкома — органа рабочего самоуправления — сидит за столом Джованни Аньелли, владельца Fiat, крупнейшей автомобильной компании Италии. В итальянских деревнях крестьяне взяли под контроль сельскохозяйственные угодья и начали управлять ими через демократические собрания.

«Психологическое состояние масс» явно склонялось в пользу посткапиталистического общества, в котором частная собственность на средства производства и властные отношения между нанимателями и наемными работниками уступили бы место более справедливому устройству. Ужасный шок Великой войны побудил рабочих заново осознать простой факт: именно они играют центральную роль в процессе создания стоимости и богатства.

Фабзавкомы, под идейным руководством Антонио Грамши, рабочих-организаторов и интеллектуалов, стали новыми институтами, в которых реализовывалось стремление трудящихся к демократическому участию в производстве и распределении. Их деятельность давала людям возможность сознательно пользоваться экономической и политической свободой в «новом обществе свободных[5] и равных производителей».

Растущая инфляция раздувала пламя недовольства. Рабочие открыто обвиняли частных инвесторов, наживавшихся на их нищете, в росте цен на продовольствие и даже начали сомневаться в том, что экономическая система, выгодная лишь горстке избранных, справедлива в принципе. Эксперты понимали: денежно-кредитная нестабильность — это не просто экономическая головоломка, которую должна решить наука. По сути это была проблема политическая. Выдающийся британский экономист Джон Мейнард Кейнс прямо признавал ту угрозу, что нависла над существующей системой: «Дальнейший рост инфляции не только обрушит валютные курсы, но и, влияя на цены, нанесет удар по самой природе контрактных отношений, системе безопасности и капиталистическому строю в целом»[6].

С высоты своего положения экономические эксперты рассуждали об инфляции как о простом дисбалансе спроса и предложения, в конечном счете

сводя все к нравственной ущербности простого народа: мол, рабочие, добившись повышения зарплат, позволили себе излишества, о чем говорит «заметный рост избыточного потребления[7] алкогольных напитков, сладостей, шоколада и печенья», как бросил с усмешкой профессор экономики Луиджи Эйнауди. С неменьшим презрением Маффео Панталеони, один из основоположников сегодняшних мейнстримных взглядов на экономику, возлагал вину за инфляцию на рабочих, которые «живут в своих домах как свиньи[8], лишь бы спустить большую часть дохода на вино в трактире».

Всего через несколько лет эти же эксперты поддержат приход к власти основоположника фашизма, Бенито Муссолини. Муссолини гарантировал им внушительный пакет мер жесткой экономии: снижение зарплат, урезание социальных расходов, приватизацию государственных служб и повышение процентных ставок. Его экономическая состоятельность заслужила единодушное одобрение экспертов по всему миру — как либералов, так и националистов.

Современные экономисты не отказались от привычки винить во всем рабочих. Эта тенденция сохраняется и поныне, и век спустя козлами отпущения по-прежнему оказываются рабочие семьи.

Перенесемся в Вашингтон весны 2022 г. Очередная волна инфляции сотрясает мировую экономику. Совет управляющих Федеральной резервной

системы (ФРС) собирается за закрытыми дверями, чтобы принять решение о повышении процентных ставок. Они будут резко поднимать их на протяжении более двух лет, и этот шаг окажет огромное влияние на политику центробанков по всему миру.

Председатель ФРС Джером Пауэлл и его коллеги отточили свой технический язык, но их антагонизм по отношению к рабочему классу не утратил остроту. Пауэлл заявляет: чтобы «восстановить ценовую стабильность», экономисты должны действовать «решительно», и это «причинит боль»[9]. Боль эта предназначена для виновников инфляции — тех, кто слишком много потребляет и слишком мало работает.

Пауэлл объясняет: у нас «нездоровый», или «перегретый», рынок труда[10], когда вакансий больше, чем желающих работать, и работодателям трудно найти людей, готовых работать. Цель повышения процентных ставок как раз и состоит в том, чтобы «ослабить давление на заработную плату» за счет дисциплинирующего эффекта безработицы. О том же писала и министр финансов США Джанет Йеллен в служебной записке председателю ФРС Алану Гринспену еще в 1996 г.: безработица «служит инструментом поддержания трудовой дисциплины[11]: перспектива остаться без средств к существованию на неопределенный срок порождает достаточный страх потерять работу и мотивирует

людей трудиться добросовестно без постоянного и дорогостоящего надзора».

12 сентября 2023 г. на ежегодном Саммите по недвижимости, организованном газетой *Australian Financial Review*, австралийский миллиардер и основатель экспертно-аналитического центра Тим Гернер высказался прямее:

> Думаю, проблема[12] в том, что за время пандемии люди решили — они больше не хотят так много работать, и это огромная проблема для производительности... Безработица, по-моему, должна подскочить на 40, на 50%. Экономика должна испытать боль. Нужно напомнить людям, что это они работают на работодателя, а не наоборот... С этим настроем нужно покончить, и сделать это можно, только ударив по экономике, — что, собственно, и пытается осуществить весь мир. Правительства по всему миру пытаются повысить безработицу, чтобы вернуть это отношение в какие-то нормальные рамки, и мы уже видим результаты... На рынке труда нам удалось сбить спесь с кое-кого.

Большинство из нас слушает экономистов и финансовых лидеров рассеянно и покорно. Решения вроде повышения процентных ставок кажутся нам чем-то далеким, слишком техническим, чтобы напрямую затрагивать нас, и почти не поддающимся

нашему воздействию. Но так ли это на самом деле? И не является ли эта способность «деполитизировать» экономику, то есть отрицать саму возможность нашего участия в принятии экономических решений, ключом к успеху системы, которая связывает нам руки и заставляет молчать? Своими речами экономические эксперты убеждают нас в том, что у нас нет ни знаний, ни права участвовать в принятии фундаментальных экономических решений, влияющих на нашу жизнь. Однако, если присмотреться к их действиям, становится ясно, что они заняты сугубо политическим делом: сохранением существующей экономической системы, которую считают единственно возможной.

Современные экономисты, как и их коллеги сто лет назад, используют язык, за которым прячется экзистенциальная тревога за систему, на деле не являющуюся ни вечной, ни естественной. Страх, что социальные волнения пошатнут капиталистическую экономику, — вполне предсказуемая эмоциональная реакция для тех, чье благополучие, как им кажется, зависит от капитализма.

Очевидно, что в нашем обществе подавляющее большинство социальных отношений опосредовано деньгами. Инфляция пугает именно потому, что она дестабилизирует валюту — основу, на которой держится вся наша рыночная экономика. Кроме того, инфляция, как указывал Кейнс, порождает

тревогу и может подорвать народное доверие к системе. Нас возмущает, когда мы обнаруживаем, что цены на продукты выросли вдвое, а растущие счета за электричество или бензин грозят утратой всех сбережений. Да, инфляция разжигает социальное недовольство, но она же может подтолкнуть к осознанию того, что наша экономика — далеко не лучшая из возможных систем в лучшем из возможных миров.

В 1919 г. инфляция вынудила европейцев грабить магазины, бастовать и объединяться, чтобы взять производство под свой контроль. В экономике США после пандемии инфляция подстегнула волну создания новых профсоюзов, требующих повышения зарплат. Она подтолкнула наемных работников к сомнению во власти работодателей — это проявилось в таких движениях, как отказ от сверхурочной работы и «тихое увольнение» (quiet quitting), а также «Великое увольнение»[13]. Только за один 2022 г. почти 50 млн американцев — треть всех работников страны — сказали «хватит» и добровольно ушли с работы[14].

Сегодня, как и сто лет назад, технократы с тревогой смотрят на возможные перемены в общественном порядке и обвиняют в них главного врага — рабочих. Но мы не должны позволить этим ложным обвинениям лишить нас воли к борьбе. С какой стати мы должны мириться с экономической системой,

которая служит обогащению сверхбогатых, пока простые люди страдают?

Борьба

Решения экономических институтов — ни ФРС, ни Казначейства США, ни Международного валютного фонда — не являются ни нейтральными, ни научными, ни соотнесенными с моральными принципами. Они уже давно не служат общему благу. Представление о том, будто нынешняя экономическая форма нашего общества, которую мы называем капитализмом, есть нечто стихийное, непреложное и вечное, как закон всемирного тяготения, — не что иное, как мистификация.

Восприятие капитализма как абсолютно естественной среды обитания и привычка делегировать многие фундаментальные решения экспертам лишают нас сил и укрепляют нашу пассивную покорность обществу, в котором большинство подвергается угнетению со стороны меньшинства. Почти все профессиональные экономисты, а заодно и телеканалы, социальные сети и газеты транслируют идеи, которые не объясняют, а, наоборот, маскируют принципы работы нашей экономической системы. Факты же таковы: пороки системы выходят за все рамки. В США так называемый средний класс неуклонно сокращается, в то время как пропасть

в уровне благосостояния растет: 0,1% самых богатых владеет впятеро[15] большим состоянием, чем 50% беднейших, при этом совокупное богатство трех человек превышает состояние 150 млн американцев. И эта проблема не ограничивается одной страной. В Великобритании 1% богатейших людей владеет большим состоянием, чем 70% всего населения. С 2014 г. каждый третий ребенок живет в нищете[16], а число миллиардеров за тот же период увеличилось вшестеро. В мировом масштабе сверхбогатые получили в 2022–2023 гг. баснословные прибыли[17]: на каждый доллар нового богатства, заработанный представителем беднейших 90% населения, приходилось около 1,7 млн долларов, полученных каждым миллиардером.

Вопреки заверениям о создании рабочих мест и господствующему представлению о том, будто успех в бизнесе выгоден всем нам, реальность состоит в том, что рыночные прибыли, или доходы от капитала, в конечном счете вступают в противоречие с благополучием граждан: когда одно растет, другое сокращается. Наша нынешняя экономическая система основана на принуждении, и именно эту важнейшую политическую реальность скрывает экономический мейнстрим. Даже если мы инстинктивно чувствуем, что что-то не так, когда по утрам отправляемся на бессмысленную работу или пытаемся выкроить время на отдых, это смутное

прозрение подавляется принятыми в обществе установками: так все и должно быть. Такого рода диссонанс между нашим повседневным опытом — опытом отчуждения и борьбы — и нашим смирением с ним, как будто иного пути нет, не случаен. Он *сконструирован* — в первую очередь экономическими моделями, которые укрепляют нашу покорность системе экономики, которую я называю «порядком капитала». Этот термин означает, во-первых, концентрацию права принимать решения в руках частных инвесторов, а во-вторых, незримое порабощение большинства, вынужденного трудиться ради чужой прибыли.

Я написала эту книгу, чтобы показать то, как господствующая идеология ослепляет нас, не позволяя разглядеть альтернативные пути развития экономики. Десятилетиями «эксперты» распространяют эту убаюкивающую сказку, подкрепляя ее научными теориями, сотканными в элитных кругах самых престижных университетов мира. Скрывая истинную природу существующей экономической системы, они иссушают наш разум, лишая нас всякой возможности что-либо изменить. И все же побег из капиталистической дурной бесконечности возможен.

Современные господствующие теории — это результат многовековых академических и политических битв, целью которых было нейтрализовать экономическую парадигму отцов-основателей

политэкономии. Адам Смит, Давид Рикардо и Карл Маркс изучали капитализм сквозь призму классов и классовой борьбы. В течение последнего столетия место этой оптики заняла другая. Вместо классов в фокусе экономистов оказались индивиды, вместо конфликта — гармония. В этом радужном мире двигатель роста — не рабочий, а предприниматель, который героически сберегает и инвестирует. Если Смит, Рикардо и Маркс считали труд источником прибыли, а его эксплуатацию — структурной ловушкой капитализма, то неоклассические экономисты представляли трудовые отношения как равноправный обмен между людьми и рисовали картину благостного процветания для всякого, кто сумеет правильно разыграть свои карты в игре под названием «свободный рынок».

С появлением в начале XX в. неоклассической школы экономическая теория стала претендовать на объективность. «Чистая экономика» — так теперь стали называть то, что прежде было известно как «политэкономия». Эта хитроумная смена названия переосмыслила экономику как нечто такое, что каким-то образом стоит выше отношений власти. Экономисты превратились в хранителей непогрешимых моделей, сопоставимых по своей сложности с моделями точных наук — скажем, квантовой механики, — при этом настолько сложных, что большинство граждан просто заведомо не в состоянии

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru